

Трансграничные регионы Дальнего Востока: общее и специфичное

Александр Николаевич Демьяненко
независимый исследователь, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Аннотация. Дальний Восток (ДВ) – уникальный макрорегион России: в его пределах, а они не были неизменными, в разных его частях происходило формирование разнообразных трансграничных регионов (ТР). Упомянутое разнообразие в свою очередь определяется как геополитическими факторами, так и природным, экономическим и социально-политическим контекстом присущим дальневосточному макрорегиону на различных этапах его эволюции. При этом макрорегион рассматривается нами не просто как площадка, на которой взаимодействуют глобальные игроки, а как участник геополитической игры. Характерная черта дальневосточных ТР – их аква-территориальная природа. Другая характерная черта ТР ДВ – вовлеченность в формирование их геополитического ландшафта не только сопредельных государств.

Ключевые слова: миграция, Дальний Восток, трансграничные регионы, трансграничные пространства, трансграничные взаимодействия

Для цитирования: Демьяненко А. Н. Трансграничные регионы Дальнего Востока: общее и специфичное // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 26–37. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/26-37>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/26-37>

Cross-border regions of the Far East: general and specific

Alexander N. Demyanenko
Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Abstract. The Far East (FE) is a unique macroregion of Russia: within its boundaries, which have not been constant, various transboundary regions (TR) have been formed in different parts of it. The said diversity is in turn determined by both geopolitical factors and the natural, economic and socio-political context inherent in the Far Eastern macroregion at various stages of its evolution. At the same time, we consider the macroregion not just as a platform for interaction between global players, but as a participant in a geopolitical game. A characteristic feature of the Far Eastern TR is their aqua-territorial nature. Another characteristic feature of the FE TR is the involvement of not only neighboring states in the formation of their geopolitical landscape.

Key words: Far East, cross-border regions, cross-border spaces, cross-border interactions

For citation: Demyanenko A. N. Cross-border regions of the Far East: general and specific // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 26–37. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/26-37>

Введение

В последнее время по причинам самого различного свойства наблюдается рост интереса к проблемам трансграничных взаимодействий в целом и трансграничных регионов (ТР) в частности. В ходе многочисленных дискуссий, в которые оказались вовлечёнными представители самых различных социально-гуманитарных дисциплин – от антропологов до специалистов в области языкознания, был достигнут консенсус относительно того, что становление и последующая динамика ТР определяется не только, а зачастую даже не столько соотношением сил на глобальной шахматной доске, сколько состоянием дел на субглобальном, и, как правило, на региональном уровне. Более того, характер взаимоотношений между акторами по обе стороны государственной границы в пределах ТР далеко не всегда определяется решениями, принимаемыми на межгосударственном уровне, всё чаще в качестве таковых выступают органы власти и управления субнационального, то есть регионального, а иногда и местного уровня. Всё чаще в исследовательском фокусе оказываются социальные практики, присущие тем или иным социальным группам по обе стороны государственной границы. Наконец, при исследовании трансграничья всё в большей мере уделяется внимание как социально-экономическому, так и природному контекстам. При этом особо следует отметить, что природный контекст, или, иначе, физико-географическое пространство, приобретает особую значимость в относительно малоосвоенных регионах, таких как ДВ.

Цель исследования: не только попытаться выявить специфику источников и движущих сил эволюции дальневосточных ТР, но и привлечь внимание к некоторым методологическим проблемам исследования трансграничных процессов в Дальневосточном макрорегионе.

Несколько слов относительно специфики Дальневосточного макрорегиона

Прежде, чем перейти к рассмотрению специфики дальневосточных ТР, в предельно краткой форме остановимся на специфике самого Дальневосточного макрорегиона¹.

Начнём с того, что ДВ, как и любой другой макрорегион России представляет собой первый уровень делимитации российских пространств.

Во-первых, ДВ рассматривается нами как сложная пространственная система, которая несводима к той или иной единице административно-территориального деления, но которая, опираясь на "прочную физико-географическую основу", может быть представлена как ансамбль пространств: природного, экономического, социального, политического. Поэтому, говоря о ДВ, мы имеем в виду не Дальневосточный федеральный округ, который с какой бы стороны мы его ни рассматривали, невозможно представить в качестве пространственной системы, а собственно ДВ в его традиционном понимании, то есть без Якутии и Забайкалья.

Во-вторых, ДВ всё ещё остаётся пространственной системой, уровень сформированности (зрелости) которой далеко не в полной мере соответствует потенциалу макрорегиона. При этом необходимо иметь в виду, что социально-экономическое и физико-географическое пространство ДВ самым существенным образом отличается не только от макрорегионов Европейской России, но и Сибири.

В-третьих, ДВ, пожалуй, если не единственный, то один из немногих макрорегионов России, который можно рассматривать как аква-территориальный. То есть ДВ можно отнести к категории "контактных структур", формирование и эволюция которых определяется их положением на границе, в данном случае – Евразийского континента и Тихого океана. Однако "контактные структуры" формируются не только границами природного, но и политического характера, в частности, государственными границами.

В-четвертых, процессы районообразования на протяжении всей истории ДВ находились под влиянием геополитических факторов. В силу разнообразия условий как природного, так и этнокультурного и социально-экономического характера в каждом конкретном случае влияние геополитических факторов существенно различалось. В конечном счёте это разнообразие условий следует рассматривать как предпосылку формирования в пределах ДВ макрорегиона пространственных социально-экономических образований, в том числе имеющих трансграничную природу, отличающихся друг от друга не только масштабами, но и внутренней структурой.

Наконец, социоэкономическое пространство ДВ не только отличается разреженностью и многочисленными лакунами, но и ярко выраженным смещением его организующего центра (если в качестве такового рассматривать сервисно-промышленную дугу Благовещенск – Хабаровск – Владивосток, или Южную макроэкономическую зону в целом) на приграничные территории.

Постановка проблемы

Так как нашей целью не являлось во что бы то ни стало внести нечто принципиально новое в методологию исследования ТР, то автор посчитал возможным ограничиться лишь указанием того, что в этой статье, как и в ряде публикаций (включая и материалы круглых столов) последних лет [6; 11; 12; 13; 15–17] внимание акцентируется на рассмотрении нижеследующих положений методологического характера.

Во-первых, трансграничность – это крайне сложный социально-политический феномен и уже в силу этого он представляет собой объект междисциплинарных исследований. В то же время следует признать, что экспоненциальный рост исследований в области трансграничных исследований всё ещё сопровождается недостаточным уровнем их концептуализации.

Во-вторых, ДВ, как и ТР в его пределах и в моём понимании – это прежде всего социальные конструкторы, но имеющие в своей основе пространство физико-географическое.

¹ Достаточно подробно этот сюжет был рассмотрен в ряде публикаций последних лет [1; 6; 9; 11; 19–21], к которым мы и отправляем заинтересованного читателя.

В-третьих, отличительная черта ТР, выделяющая его из ряда других регионов, заключается в том, что доминирующими факторами, определяющими не только конфигурацию и структуру ТР, но также источники и движущие силы их динамики, выступают геополитические факторы.

Наконец, в условиях нарастающей неопределенности в международных отношениях всё большее значение, в том числе и для ТР приобретают фемториски², или шире – положения концепции сложных адаптивных систем, которую, как и теорию сложности можно рассматривать как современную модификацию общей теории систем.

Именно перечисленные выше положения и рассматриваются в данной статье, при этом ДВ и ТР в его пределах (насколько это было возможно) используются как своего рода модельный объект.

При этом автор отдаёт себе отчёт в том, что современное состояние исследований трансграничности, как и ТР в том числе в пределах ДВ – результат длительного процесса, участниками которого были не только учёные и представители экспертного сообщества, но и политические деятели, в ходе которого сформировался обширный корпус источников; отчасти он был подвергнут анализу в упомянутых выше публикациях. По этой причине в данной статье автор старался избежать повторов как в своих суждениях, так и в источниках, отдавая предпочтение тем, которые были опубликованы в последние годы [2; 12; 22 и др.], а также тем, которые ранее не были использованы предшествующих публикациях по заявленной теме [8; 18–21; 23–27; 30–33].

Результаты и их обсуждение

Начнём с констатации очевидного факта: современная история исследования трансграничности и ТР (и ТР ДВ здесь не являются исключением) – дело относительно новое³. По мнению Э.-Л. Амилхат Сари и Ф. Жиро, именно в эти годы "После длительного периода забвения, который длился большую часть второй половины XX века, пограничные исследования за последние 20 лет вновь стали плодотворной темой дискуссий и дебатов ..." [24, p. 1]. Это же можно сказать и в отношении отечественных исследований, но с одной незначительной оговоркой: всплеск интереса в России к пограничным исследованиям относится к рубежу XX и XXI столетий⁴.

Здесь возникает законный вопрос: чем же отличаются современные исследования границ от традиционных? По мнению А. Пааси, основное отличие состоит в том, что, если традиционные исследования были ориентированы "на эмпирический анализ конкретных пограничных случаев, ... тогда как современные чаще всего нацелены на тщательное изучение или теоретизирование границ в контексте ключевых социальных и политических категорий, таких как государство, нация, национализм, территориальность, идентичность и

² Термин "фемториски" был предложен А.Б. Франком с соавторами для "обозначения угроз, с которыми сталкиваются лица, принимающие международные решения, в результате действий и взаимодействий субъектов, которые существуют ниже уровня формальных институтов или действуют вне установленных структур управления" [27, p. 17356]. Иначе говоря, этот термин обозначает, с одной стороны, очевидную незначительность отдельного актора, а с другой – способность этого актора быть источником риска (может быть, точнее – угроз) непропорционально значимого по сравнению с его статусом.

³ Наверное, здесь уместно обратить внимание на тот факт, что в экономической науке (и в какой-то мере в традиционной экономической географии, эффект границ достаточно давно стал объектом анализа. И причина тому достаточно очевидна: "Разрыв, который они (*границы* – А.Д.) вызывают в непрерывности социально-экономического пространства, стимулирует исследования влияния наличия границ на экономические показатели стран и регионов" [26, p. 1]. К сказанному выше, наверное, уместно будет добавить, что "экономическая интеграция не всегда приводит к устранению барьеров и успешной интеграции в других областях" [28, p. 2434], что нередко упускают многие исследователи, забывая о том, что интеграционные процессы несводимы к экономической интеграции, как бы значима она не была.

⁴ К этому же времени относятся и первые исследования проблем трансграничья на ДВ, среди которых особого упоминания заслуживают работы П.Я. Бакланова и его коллег по ТИГ ДВО РАН [1–5; 22 и др.]. Одной из отличительных черт этих работ было и остаётся привнесение в трансграничные исследования методологической установок теории районирования и геосистемного подхода.

этническая принадлежность" [31, p. 664]⁵. И тем не менее, несмотря на все призывы и усилия по теоретическому осмыслению исследований границ, ожидаемых результатов явно недостаточно и причина тому, по мнению А.-Л. Амильхат Сари, заключается в том, что на призывы концептуализации исследований границ "часто отвечали через призму моделирования, а не через общую теорию границ" [24, p. 15]. К этому можно лишь добавить, что указанная проблема обусловлена ещё и тем, что "Мобильное измерение пространства и связанная с ним необходимость исследовать границы более динамичным образом существовали всегда, но эта необходимость в целом затмевалась методами анализа, которые отдают предпочтение стабильным элементам над лабильными конфигурациями" [24, p. 18].

Здесь следует остановиться и сделать промежуточные выводы, ибо дальнейшее погружение в методологические проблемы исследования границ и трансграничья может увести нас далеко от заявленной темы данной статьи.

В исследованиях границ помимо экономистов и политологов, всё активнее принимаю участие представители других социально-гуманитарных дисциплин, то есть эти исследования приобретают всё более междисциплинарный характер⁶.

Несмотря на появление всё большего количества работ, посвященных теоретическому осмыслению феномена границ, тем не менее приходится говорить о недостаточном уровне концептуализации этих исследований⁷.

И хотя выше были приведены суждения зарубежных авторов, не будет большим преувеличением сказать, что в этом отношении в отечественных исследованиях границ ситуация схожая. То же можно сказать и о двух основных направлениях граничных исследований: "одно сосредоточено на процессах "трансграничного" сотрудничества и социально-пространственных проблемах в приграничных районах, а другое – на секьюритизации пограничных переходов и возобновлении процессов демаркации" [24, p. 20].

Отсюда и далее нас интересуют только работы, которые сосредоточены на процессах трансграничного сотрудничества на ДВ и в ТР, как одном из важнейших его проявлений этого.

Прежде всего отметим, что было бы большим упрощением сводить всё к российско-китайскому сотрудничеству и к ТР "Северо-Восточный Китай (СВК) – Юг ДВ", хотя и отрицать тот факт, что в настоящее время это единственный реально функционирующий ТР не приходится. На самом деле, на протяжении всей истории ДВ были и другие акторы, и другие локации в пределах, которых имело место реализация сотрудничества. Речь идёт в первую очередь о российско-американском сотрудничестве в трансграничном регионе Берингия и о российско-японском сотрудничестве в трансграничном регионе от Хок-

⁵ Конечно, призывы и соответствующие усилия по концептуализации исследования границ вовсе не есть отрицание необходимости в проведении эмпирических исследований. Всё в той же работе А. Пааси мы можем найти, в частности, что "оба подхода имеют постоянное значение, поскольку, несмотря на все теории, границы имеют своё глубоко практическое значение для государств, признанных международным правом. Это остаётся таковым несмотря на то, что сам суверенитет является постоянно трансформирующейся категорией" [31, p. 664]. Другое дело, что понимать под "границами". Современная трактовка этой категории предполагает, что "Культурные, феминистские, постколониальные, постмодернистские и постструктуралистские подходы предоставили теоретические основы для этих исследований, которые часто ставили под сомнение "данные" границы между социальными и культурными сущностями" [30, p. 480].

⁶ То обстоятельство, что с конца 1980-х гг. ряд политических географов, учёных-международников, социологов, литературоведов и антропологов занялись изучением границ в Европе, а затем и за её пределами, обусловили запрос на междисциплинарность, которая "вскоре привела к новым теоретическим разработкам" [30, p. 478].

⁷ Здесь будет уместным привести мнение весьма авторитетных в этой области исследователей: "Поскольку не существует единого исчерпывающего повествования о границах и территориальности, а также отдельных совокупностей территориальности, власти, идентичности и политики, самая большая проблема научного исследования заключается в определении надлежащего набора концептуальных и методологических инструментов, связанных с контекстуальным контекстом, выбором масштаба, пространственности и принципов, с помощью которых можно "читать" территорию и границы" [32, p. 2].

кайдо до побережья Камчатки. Показательно, что и в том, и в другом случае мы имеем дело с ТР, имеющими аква-территориальную структуру.

Если проблемы российско-китайского сотрудничества и ТР "СВК – Юг ДВ" в том числе последние полтора десятка лет достаточно активно исследуются как российскими, так и зарубежными учёными и экспертами, то опыт российско-американского и российско-японского сотрудничества всё ещё остаётся темой, степень изученности которой оставляет желать лучшего.

Авторская позиция относительно специфики ТР "СВК – Юг ДВ" была изложена в ряде публикаций [6; 13; 16; 17], поэтому, на наш взгляд, можно ограничиться их кратким изложением основных положений.

Главная из специфических черт рассматриваемого ТР заключается в том, что с момента его возникновения в конце XIX – начале XX вв. и по настоящее время этот регион представляет собой место пересечения интересов не только России и Китая, но и ряда других глобальных и региональных акторов, среди которых не только США и Япония, что очевидно, но и Корея, Великобритания, Германия. Конечно, на разных этапах степень вовлеченности упомянутых "сторонних" игроков в трансграничные проблемы была различна.

Вторая особенность заключается в том, что, с одной стороны, структура и динамика ТР определялась совокупностью геополитических факторов, а с другой – совокупностью природно-ресурсных и диспозиционных факторов (экономико-географическим положением в первую очередь), а также стратегическими решениями государства в отношении ДВ. При этом на протяжении всей своей истории ТР был организующим центром всего ДВ.

Третья особенность рассматриваемого ТР заключается в том, что конфигурация его границ, как и характер взаимодействий между российским ДВ и СВК находились в процессе постоянных изменений⁸. Более того, на определенных этапах, когда в силу тех или иных причин имела место смена интеграционных процессов на процессы дезинтеграции, трансграничный регион как пространственная социально-экономическая система, если и не исчезал, то переходил в латентную фазу. Всё вышесказанное в отношении границ ТР "СВК – Юг ДВ" означает только одно: опираться на "заданные" границы независимо от того, имеют они характер природный или политический (АТД), представляется достаточно сильным упрощением⁹. То есть определение границ ТР – задача не тривиальная и требует новых решений, исходя из состояния геополитической обстановки и изменений в стратегии развития ДВ¹⁰. В настоящее время ТР "СВК – Юг ДВ" скорее всего не столько сплошной территориальный ареал, сколько, по большому счёту, три ареала, приуроченных к городским агломерациям Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, между которыми имеются обширные лакуны, то есть пространства в пределах, которых российско-китайское сотрудничество имеет незначительные масштабы и эпизодический характер, иначе говоря не оказывает сколько-нибудь заметно влияния на социально-экономическую динамику дальневосточных регионов.

Наконец, следует иметь в виду, что высокий уровень динамизма границ – это лишь часть проблемы, так как не меньшее значение приобретает структура и формы взаимодействия в рамках ТР. Следовательно, в различ-

⁸ Но неизменным оставался, скажем так, природный субстрат – бассейн Амура как вполне определенная геосистема. Такой точки зрения, в частности, придерживался П.Я. Бакланов. По-нашему мнению, столь строгое соотнесение границ ТР с бассейном Амура представляется не совсем оправданным и требует уточнения: не весь бассейн, а та его часть, которую с известной долей условности можно обозначить как Средний Амур (включая бассейны рек Сунгари, Уссури) и Раздольная.

⁹ В самом общем виде проблема выделения ТР может быть рассмотрена в рамках концепции районирования. Естественно, с поправкой на то, что ТР есть часть пространства трансграничного сотрудничества. Подробно этот сюжет был рассмотрен в [6; 11].

¹⁰ Более того, скажем так: выделение функциональных приграничных районов – задача не столь сложная как определение границ ТР, также вызывает немалые затруднения. Показателен в этом отношении вывод, к которому пришли исследователи приграничных районов в Европейском Союзе: "... не совсем ясно, что на самом деле представляют собой или должны представлять собой приграничные функциональные районы и как их идентифицировать для реализации политики" [27, p. 2436].

ные исторические периоды мы будем иметь разные конфигурации и содержание в пределах того или иного конкретного ТР. И ТР "СВК – Юг ДВ" в этом отношении не исключение, как и то, что понимание природы ТР, как и, пожалуй, любого иного типа регионов невозможно без учёта динамики процессов районообразования.

И здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой политического и социально-экономического контекста. А для таких макрорегионов как ДВ с крайне разреженным и в то же время крайне неоднородным социально-экономическим пространством, особое значение приобретает характер физико-географического пространства, в частности устойчивость образующих его геосистем к антропогенным воздействиям¹¹.

Итак, с одной стороны, говоря о социально-политическом и экономическом контексте следует иметь в виду, что его следует анализировать не только на уровне межгосударственных отношений (в данном случае РФ и КНР), но и на региональном уровне, а в ряде случаев и на – локальном. Это в равной мере касается как российской, так и китайской частей ТР; при этом всякий раз следует помнить о том, что и демографический и экономический потенциал СВК многократно превосходит соответствующие потенциалы ДВ¹². Но есть ещё один аспект, который здесь будет уместно упомянуть – это состояние внутривосточной и экономической ситуации по обе стороны границы. В немногих словах ситуация по обе стороны государственной границы отличается высоким уровнем неопределённости¹³, что в свою очередь требует помещения анализа проблем трансграничья в более широкий дискурс о трансформационных процессах как в РФ, так и в КНР¹⁴. Увы, но в рамках данной статьи этот вопрос уже не может быть должным образом проанализирован хотя бы по той причине, что в силу своей необычайной значимости он не может быть рассмотрен походя.

С другой стороны, всякий раз рассматривая ТР и в первую очередь ТР "СВК – Юг ДВ" следует помнить, что мы имеем дело не только с той или иной частью трансграничных пространств, но и пространств Дальневосточного макрорегиона¹⁵. Для ТР "СВК – Юг ДВ" последнее обстоятельство особенно значимо уже в силу того, что это организующий центр всего макрорегиона.

К сожалению, приходится констатировать, что несмотря на декларирования "беспредельного сотрудничества" и несомненный рост товарооборота между РФ и КНР и целый ряд иных достижений в политической и экономической сферах, тем не менее по обе стороны границы в явном виде имеет место если и не отказ от масштабных усилий по модернизации экономик ДВ и СВК,

¹¹ Скорее всего именно с этим обстоятельством связаны достаточно многочисленные попытки выделения ТР ДВ на основании бассейнового принципа, когда ТР приурочены либо к акваториям и прибрежным территориям Берингова, Охотского, Японского морей или же к бассейнам рек Амура, Раздольной и Туманной. Обзор этих опытов, хотя и далеко не исчерпывающий в [12].

¹² Только один пример: население провинций Хэйлунцзян и Цилинь Китая составляет примерно 56 млн человек, тогда, как население Приморского и Хабаровского краёв, ЕАО и Амурской области не превышает 4 млн.

¹³ В своё время авторы статьи о фемторисках в международных отношениях [27] в качестве примеров приводили: финансовый кризис 2008 г., "арабскую весну" 2010–2012 гг., украинский кризис 2013–2014 гг., возникновение Хезболлы в 1980-е гг., климатические изменения в Арктике. Увы, но сейчас этот перечень очень вырос, что может свидетельствовать о том, что уровень неопределённости в системе международных отношений только нарастает, а следовательно, существенно увеличивается и возникновение непрогнозируемых событий.

¹⁴ Интересна в этой связи мысль, высказанная В. Боярченковым по другому поводу: "...едва ли продуктивно рассматривать заявку федералистов на создание собственных исторических теорий в отрыве от дискурса Великих реформ с характерным для него противопоставлением новых принципов отжившей свой век рутине" [8, с. 34], которую применительно к рассматриваемой теме можно интерпретировать следующим образом: едва ли продуктивно рассматривать процессы формирования ТР (и межгосударственного сотрудничества в целом) в отрыве от дискурса тех масштабных преобразований, которые происходят в странах-соседях. А то таковые имеют место в настоящее время не только в РФ, но и в КНР; это факт, не требующий доказательств.

¹⁵ О социально-экономическом пространстве ДВ, его границах и соотношении границ административных и экономических районов [9; 17; 19–21].

то, по крайней мере, их замедление. Это, естественно, не могло не сказаться на ТР "СВК – Юг ДВ", который всё более выполняет транзитные функции. Это в конечном счёте привело к локализации сотрудничества (в первую очередь экономического) в приграничных уездах и городах с китайской стороны и в крупнейших городских агломерациях (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) – с российской.

К этому следует добавить, что в общем оправдывается прогноз развития ситуации в ТР "СВК – Юг ДВ" 2022 г. [17], согласно которому: а) не стоит ожидать появления каких-либо новых направлений российско-китайского сотрудничества хотя бы в силу того, что действует угроза санкций, включая вторичные санкции; б) можно ожидать восстановления приграничной торговли товарами конечного потребления; в) аналогичная ситуация будет иметь место и в сфере туризма; г) велика вероятность, что удастся организовать совместные исследования силами научных организаций ДВ и СВК прежде всего в сфере рационального природопользования на сопредельных территориях¹⁶; д) остаются возможности восстановления культурных обменов.

Что ещё следует сказать о рассматриваемом ТР, так это согласиться с тем, что "...проблема в том, что структура этого трансграничного образования, при всем обилии исследований, изучена не особенно тщательно, имеет множество "белых пятен". Это создаёт угрозу, что поддержка, основанная на мифах, может стать опаснее, чем, к счастью, исчезнувшее "противодействие ползучей экспансии" [6, с. 83].

Что же касается других ТР ДВ, то в настоящее время все они находятся в латентной форме. И в этой связи трудно не согласиться с мнением Л.Е. Бляхера, который считал, что в постсоветской истории были две локации, где потенциально могло возникнуть трансграничье. "Во-первых, пространство "Чукотка – Аляска". ... Другая возможность формирования трансграничья возникает в постсоветский период между о. Сахалин с Курильской грядой и Японией, точнее, Хоккайдо" [6, с. 82–83].

Пожалуй, к этому следует добавить, что оба эти ТР, находящиеся в настоящее время в латентной форме, имеют достаточно длительную историю. Но, к сожалению, история ТР "Берингия" и ТР "Хоккайдо – Сахалин – Камчатка", изучена крайне недостаточно. И дело не в том, что российско-американское и российско-японское сотрудничество обделены вниманием со стороны научного сообщества. Публикаций по тем или иным аспектам российско-американского и российско-японского сотрудничества немало и по ту, и по другую сторону границы. Тем не менее, "белых пятен" на этом исследовательском поле больше, чем того бы хотелось.

В частности, всё ещё не ясна роль Российско-Американской компании в освоении не только Аляски и Алеутских островов, но российского побережья Берингова и Охотского морей. Конечно, можно сказать, что это "предания старины далекой" и к современным условиям отношения не имеют. Однако можно поставить вопрос и по-другому: как удалось при весьма скудных материальных и людских ресурсах выстроить на обширных аква-территориальных пространствах достаточно жизнеспособную экономическую систему. И как при этом удавалось совместить интересы государства и частного бизнеса, принимая во внимание, что государственной границы в современном её понимании не было, а взаимодействовать приходилось не столько с другими государствами (Великобританией, США, Испанией), а как бы сказали сейчас "с предпринимательскими структурами": Компанией Гудзонова залива (основанной в 1670 г. и функционирующей поныне), американскими Северо-Западной и Американской меховой компаниями.

Конечно, в современных условиях по причинам прежде всего геополитического свойства не приходится говорить об актуализации потенциала трансграничного сотрудничества в Берингии. Но сейчас самое время определиться с тем, что возможно и не в ближайшем будущем может представлять взаимный интерес по обе стороны границы.

У ТР "Хоккайдо – Сахалин – Камчатка" история не столь давняя, но она много ближе ко дню сегодняшнему и поэтому опыт трансграничных взаимо-

¹⁶ См., например, [2; 22], в которых исследуются проблемы трансграничного взаимодействия.

действий в этой локации представляется ещё более актуальным. Здесь можно вспомнить, что после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и вплоть до 1917 г. имело место совместное использование водных биологических ресурсов в прибрежных водах Сахалина и Камчатки, а порты Хоккайдо служили не только рынками сбыта для отечественных рыбопромышленников, но и своего рода базами снабжения и ремонта рыболовецких судов.

В 1930-е гг. действовал целый ряд концессионных соглашений на разработку японскими фирмами нефтяных и угольных месторождений Сахалина. Были и другие примеры. Хотя сказать, что это были годы безоблачного сотрудничества, было бы неверным, ибо были и конфликты, и нарушения договоренностей.

В настоящее время более чем достаточно причин, сдерживающих реализацию потенциала трансграничного сотрудничества – они хорошо известны и вряд ли в рамках данной статьи на них следует останавливаться. Другое дело, что как и в случае с Берингией, необходимо работать на опережение и насколько это возможно искать пути восстановления сотрудничества, а, следовательно, и возможности актуализации в рассматриваемой локации ТР.

Скорее всего прав А.А. Киреев, когда, рассматривая проблемы российского приграничья на ДВ, приходит к выводу, что "В российско-японском и российско-американском пограничьях ... стадия формирования приграничных регионов и их пространственной "притирки" в ходе встречно-сравнительной колонизации продолжалась значительно дольше (чем в российско-китайском – А.Д.). Судя по устойчивости обоюдных государственных и общественных территориальных претензий, она не вполне исчерпана до сих пор и продолжает блокировать процессы трансграничного регионообразования" [6, с.76].

Выводы

Начнём с констатации факта: на протяжении всей истории ДВ и ТР в его пределах, ДВ представлял своего рода геополитический узел, где пересекались интересы мировых держав. Иначе говоря, развитие ДВ и ТР в его пределах всегда находилось под определяющим влиянием геополитических факторов.

Что касается современного этапа эволюции трансграничных взаимодействий на ДВ, то следует иметь в виду, что, во-первых, геополитические вызовы для ДВ самым непосредственным образом связаны с тем, насколько изменится в ближайшей перспективе место РФ в переформируемом в настоящее время мировом порядке. Во-вторых, угрозы связаны с обеспечением не только экономической безопасности, но и безопасности пространственных социально-экономических систем, сложившихся или складывающихся в пределах ДВ, в том числе и ТР. В свою очередь, трансграничье, будучи крайне сложным социально-политическим и экономическим феноменом, не может быть сведено исключительно к политическим или экономическим взаимодействиям между приграничными территориями; оно предполагает формирование эффективных информационных коммуникаций. Наконец, важным моментом формирования трансграничности выступают взаимодействия в культурной и научно-образовательной сфере, включая туристические обмены. При этом следует иметь в виду, что трансграничные взаимодействия – это не только взаимодействие формальных акторов, находящихся по обе стороны границы, но и обмен практиками, возникающими между представителями различных социальных групп¹⁷.

В конечном счёте, можно утверждать, что ТР – это классический пример объекта междисциплинарных исследований, как, впрочем, и то, что уровень концептуализации этих исследований всё ещё недостаточен.

Среди проблем методологического свойства, которые всё более и более актуализируются, следует указать на проблему доминирования в исследованиях трансграничных процессов "сотрудничества" и "интеграции", при систе-

¹⁷ Э.О. Леонтьева полагает, что "трансграничный регион локализуется не столько пространственно-географически, сколько силой социальных связей – здесь напрашивается добавление: силой слабых связей, по-новому актуализирующей ставшую уже классической концепцию М. Грановеттера" [6, с. 82].

матической недооценке значимости "рисков" и "дезинтеграции". Как результат – завышенные ожидания от реализации тех или иных трансграничных интеграционных проектов.

Другая проблема – это пренебрежение вопросами устойчивости ТР. По не совсем понятным причинам эволюция ТР обычно воспринимается как реализация тенденции ко всё более целостному и устойчивому развитию, тогда как на самом деле "ТР – это неустойчивая структура, находящаяся в состоянии непрерывного балансирования интеграционных и дезинтеграционных тенденций в динамиках своих интраграничных частей" [15, с. 41]. И, как показывает опыт исследования дальневосточных ТР, смена интеграционных процессов на дезинтеграционные – обычное дело.

Ещё одна проблема – проблема определения границ ТР, суть которой заключается в том, что государственная граница – это не просто линия, а сложный феномен, неразрывно связанный с территориальными практиками (символикой, институтами и смыслотворчеством). Следовательно, граница ТР – это нечто подвижное, находящееся в состоянии постоянных изменений, в отличие от более устойчивой государственной границы.

Более того, применительно к ТР ДВ, которые по целому ряду причин следует рассматривать как аква-территориальные пространственные системы, говорить о чётких и однозначно определённых границах представляется непродуктивным занятием¹⁸.

Нынешняя международная обстановка ставит на повестку разработку геополитической концепции развития ДВ России. По-нашему мнению, такая концепция должна учитывать не только специфику ДВ в системе международных отношений, но и разнообразие дальневосточных трансграничных регионов, как реальных, так и потенциальных.

Однако анализ современной ситуации в международных отношениях подводит к ещё одному выводу, который можно сформулировать следующим образом: в условиях турбулентных сред¹⁹ (как в стране, так и за её пределами) и институциональной неопределённости вряд ли возможно говорить о каком-то одном сценарии относительно будущих состояний ТР ДВ²⁰.

Литература

1. Бакланов П. Я. Пространственные структуры и территориальные системы в региональном развитии. Избранное. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2024. 464 с.
2. Бакланов П. Я., Ганзей К. С., Жариков В. В. Региональные аспекты приграничного сотрудничества на юге Дальнего Востока России и Северо-Востоке Китая // Материалы XVII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск, 9–14 сентября 2024 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. И. Б. Сочавы СО РАН, 2024. С. 3–5.
3. Бакланов П. Я., Ганзей С. С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
4. Бакланов П. Я., Ларин В. Л. Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 6. С. 5–16.

¹⁸ Ибо "Границы представляют собой не фиксированные линии ... а социальные процессы, практики, дискурсы, формы знания, нарративы, символы и институты. Это имеет решающее значение как для политического, так и для регионального географического понимания границ/регионов ..." [29, p. 11].

¹⁹ Говоря о турбулентных средах и высоком уровне неопределённости, автор вслед за А. Франком имеет в виду, что "... сложные взаимодействия между субъектами часто могут приводить к макроскопическим результатам, которые не могут быть получены из исследований индивидуальных выборов и действий в изоляции. Эти сложные взаимодействия мешают стандартным подходам к оценке риска, создавая события с низкой вероятностью/ высокими последствиями, поскольку последствия второго и третьего порядка каскадно переходят через границы систем" [27, p. 17357].

²⁰ Здесь уместно вспомнить Г. Киссинджера: "Многообразие сущностей, политических единиц, никак не связанных друг с другом исторически или ценностно (за исключением тех, что расположены на расстоянии вытянутой руки), определяющих себя преимущественно по границам своих возможностей, скорее всего, генерируют конфликты, а не порядок" [18, p. 18].

5. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток, 2009. 167 с.
6. Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84.
7. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76.
8. Боярченков В. "Русская история в самой основе своей есть ... история областей" // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентации, (на) значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 30–51.
9. Демьяненко А. Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20.
10. Демьяненко А. Н. Районная концепция в отечественной и зарубежной социально-экономической географии: а не перечитать ли классику ещё раз? // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, природно-ресурсные и социально-экономические структуры. Сборник научных статей. Владивосток, 2023. С. 28–38.
11. Демьяненко А. Н. Методологические проблемы к исследованию трансграничья: Дальний Восток // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3 (4). С. 22–31.
12. Демьяненко А. Н. Геополитические факторы развития Дальневосточного макрорегиона // Материалы XVII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (г. Иркутск, 9-14 сентября 2024 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. И. Б. Сочавы СО РАН, 2024. С. 53–56.
13. Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94.
14. Демьяненко А. Н., Горюнов А. П., Кондратенко Г. В., Исаев А. Г. Особенности регионального развития на Северо-Востоке КНР // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 80–96.
15. Демьяненко А. Н., Киреев А. А. Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 34–43.
16. Демьяненко А. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока: вызовы, угрозы и сценарии // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные и социально-экономические факторы и структуры. Сборник научных статей. Владивосток, 2024. С. 411–419.
17. Демьяненко А. Н., Ярулин И. Ф., Бурик М. В., Клиценко М. В. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение: препринт научного доклада. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2022. 70 с.
18. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2024. 544 с.
19. Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
20. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 1. С. 5–14.
21. Минакир П. А., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М., Горюнов А. П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54.
22. Мошков А. В., Ткаченко Г. Г., Ушаков Е. А. Дробное социально-экономическое зонирование трансграничных регионов юга Дальнего Востока России по принципу устойчивого (зелёного) развития // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные и социально-экономические факторы и структуры. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2024. С. 455–468.
23. Сандерленд В. Введение. Регионы Российской империи // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентации, (на) значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 7–27.
24. Amilhat Szary A.-L. Boundaries and borders // Handbook of Political Geography / edited by John Agnew, Anna Secor, Joane Sharpe, Virginie Mamadouh. Wiley-Blackwell, 2015. P. 13–25.
25. Amilhat Szary A.-L., Giraut F. Borderities: The Politics of Contemporary Mobile Borders // Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders / edited by Anne-Laure Amilhat Szary and Frederic Giraut. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–19.
26. Capello R., Caragliu A., Fratesi U. Compensation modes of border effects in cross-border regions // Journal of Regional Science. 2018. Vol. 58 (4). P. 759–785.
27. Frank A. B. et al. Dealing with femtorisks in international relations // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 49. P. 17356–17362.
28. Jakubowski A., Trykacz K., Skibińska K., Studzieniecki T., Skibiński J. Identifying cross-border functional areas: conceptual background and empirical findings from Polish borderlands // European Planning Studies. 2022. Vol. 30 (12). P. 2433–2455.
29. Murphy A. B., Paasi A., Entrikin J. N., Macleod G., Jonas A. E. G., Hudson R. Bounded vs. Open regions, and beyond: critical perspectives on regional worlds and words // Regional Worlds: Advancing the geography of regions. Edited by Martin Jones & Anssi Paasi. London: Routledge, 2015. P. 5–16.
30. Paasi A. Borders and border crossings // A New Companion to Cultural Geography. Edited by Nuala C. Johnson, Richard H. Schein, and Jamie Winders. London: Wiley-Blackwell, 2013. P. 478–493.

31. Paasi A. Generations and the 'Development' of Border Studies // *Geopolitics*, 2005. Vol. 10. No. 4. P. 663–671.
32. Paasi A., Md Azmeary Ferdoush, Jones R., Murphy A. B., Agnew J., Ochoa Espejo P., Fall J. J., Peterle G. Locating the territoriality of territory in border studies // *Political Geography*. 2022. Vol. 95. P. 102584.
33. van Houtum H., Kramsch O., Zierhofer W. Prologue. B/ordering ace // *B/ordering space* / edited by Henk van Houtum, Olivier Kramsch and Wolfgang Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 1–13.

References

1. Baklanov P.Ya., Romanov M. T. Economic-geographical and geopolitical position of Pacific Russia. Vladivostok, 2009. 167 p.
2. Baklanov P. Ya., Ganzey K. S., Zharikov V. V. Regional aspects of cross-border cooperation in the south of the Russian Far East and northeast China // *Proceedings of the XVII scientific meeting of geographers of Siberia and the Far East (Irkutsk, September 9–14, 2024)*. Irkutsk: Publishing house of the Institute of Geography named after I. B. Sochava SB RAS, 2024. P. 3–5.
3. Baklanov P.Ya., Ganzey S. S. Transboundary territories: problems of sustainable nature management. Vladivostok: Dalnauka, 2008. 216 p.
4. Baklanov P.Ya., Larin V. L. Far Eastern regions of the Russian Federation in modern Russian-Chinese interaction // *World Economy and International Relations*. 2023. No. 6. P. 5–16.
5. Boyarchenkov V. "Russian history is, at its very core, ... the history of regions" // *Regions of the Russian Empire: Identity, Representations, (on) Meaning*. Moscow: New Literary Review, 2021. P. 30–51.
6. Baklanov P.Ya., Romanov M. T. Economic-geographical and geopolitical position of Pacific Russia. Vladivostok, 2009. 167 p.
7. Barbenko Ya. A., Blakher L. E., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Leontyeva E. O., Mishina N.V., Ukrainsky V. N., Yarulin I. F. Cross-border regions of the Far East // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 3. P. 73–84.
8. Blakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: Problems of Conceptualization, Identification, and Construction // *Ojkumena. Regional researches*. 2021. No. 1. P. 67–76.
9. Dem'yanenko A. N. On the Decomposition of Economic Space within the Far Eastern Macroregion // *Regional Studies*. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 5–20.
10. Dem'yanenko A. N. The regional concept in domestic and foreign socio-economic geography: how about rereading the classics again? // *Geosystems of North-East Asia: natural, natural-resource and socio-economic structures. Collection of scientific articles*. Vladivostok, 2023. P. 28–38.
11. Dem'yanenko A. N. Methodological problems in the study of transboundary areas: Far East // *Periphery. Journal of the Study of Non-Capital Spaces*. 2024. No. 3(4) P. 22–31.
12. Dem'yanenko A. N. Geopolitical factors in the development of the Far Eastern macroregion // *Proceedings of the XVII scientific meeting of geographers of Siberia and the Far East (Irkutsk, September 9–14, 2024)*. Irkutsk: Publishing house of the Institute of Geography named after I. B. Sochava SB RAS, 2024. P. 53–56.
13. Dem'yanenko A. N., Klitsenko M. V. Experience of interdisciplinary study of a transboundary region: Russian Far East – Northeast China // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 1. P. 80–94.
14. Dem'yanenko A. N., Goryunov A. P., Kondratenko G. V., Isaev A. G. Features of regional development in the Northeast of China // *Oriental Institute Journal*. 2019. No. 2. P. 80–96.
15. Dem'yanenko A. N., Kireev A. A. Controversial issues of the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist // *Oriental Institute Journal*. 2024. No. 2. P. 34–43.
16. Dem'yanenko A. N., Yarulin I. F. Cross-border regions of the Far East: challenges, threats, and scenarios // *Geosystems of Northeast Asia: natural and socio-economic factors and structures. Collection of scientific articles*. Vladivostok, 2024. P. 411–419.
17. Dem'yanenko A. N., Yarulin I. F., Burik M. V., Klitsenko M. V. Russian-Chinese cooperation in new realities: regional dimension: preprint of a scientific report. Moscow: Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, 2022. 70 p.
18. Kissinger G. *World order*. Moscow: AST, 2024. 544 p.
19. Minakir P. A. Economic Analysis and Measurements in Space // *Spatial Economics*. 2014. No. 1. P. 12–39.
20. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N. Economic Space of Modern Russia and Approaches to its Research (Article One) // *Regional Studies*. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 5–14.
21. Minakir P. A., Dem'yanenko A. N., Prokapalo O. M., Goryunov A. P. Integration and Disintegration in the Economic Space of Russia: Methodological Aspect // *Ojkumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54.
22. Moshkov A. V., Tkachenko G. G., Ushakov E. A. Fractional socio-economic zoning of transboundary regions of the southern Russian Far East based on the principle of sustainable (green) devel-

opment // *Geosystems of Northeast Asia: natural and socio-economic factors and structures. Collection of scientific articles. Vladivostok, 2024. P. 455–468.*

23. Sunderland V. Introduction. Regions of the Russian Empire // *Regions of the Russian Empire: Identity, Representations, (on) Meaning. Moscow: New Literary Review, 2021. P. 7–27.*

24. Amilhat Szary A.-L. Boundaries and borders // *Handbook of Political Geography / edited by John Agnew, Anna Secor, Joane Sharpe, Virginie Mamadouh. Wiley-Blackwell, 2015. P. 13–25.*

25. Amilhat Szary A.-L., Giraut F. Borderities: The Politics of Contemporary Mobile Borders // *Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders / edited by Anne-Laure Amilhat Szary and Frederic Giraut. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–19.*

26. Capello R., Caragliu A., Fratesi U. Compensation modes of border effects in cross-border regions // *Journal of Regional Science. 2018. vol. 58 (4). P. 759–785.*

27. Frank A. B. et al. Dealing with femtorisks in international relations // *Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 49. P. 17356–17362.*

28. Jakubowski A., Trykacz K., Skibińska K., Studzieniecki T., Skibiński J. Identifying cross-border functional areas: conceptual background and empirical findings from Polish borderlands // *European Planning Studies. 2022. Vol. 30 (12). P. 2433–2455.*

29. Murphy A. B., Paasi A., Entrikin J. N., Macleod G., Jonas A. E. G., Hudson R. Bounded vs. Open regions, and beyond: critical perspectives on regional worlds and words // *Regional Worlds: Advancing the geography of regions. Edited by Martin Jones & Anssi Paasi. London: Routledge, 2015. P. 5–16.*

30. Paasi A. Borders and border crossings // *A New Companion to Cultural Geography. Edited by Nuala C. Johnson, Richard H. Schein, and Jamie Winders. London: Wiley-Blackwell, 2013. P. 478–493.*

31. Paasi A. Generations and the 'Development' of Border Studies // *Geopolitics, 2005. Vol. 10, No. 4. P. 663–671.*

32. Paasi A., Md Azmeary Ferdoush, Jones R., Murphy A. B., Agnew J., Ochoa Espejo P., Fall J. J., Peterle G. Locating the territoriality of territory in border studies // *Political Geography. 2022. Vol. 95. P. 102584.*

33. van Houtum H., Kramsch O., Zierhofer W. Prologue. B/ordering ace // *B/ordering space / edited by Henk van Houtum, Olivier Kramsch and Wolfgang Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 1–13.*

Информация об авторах

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, профессор, независимый исследователь, Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Information about the authors

Alexander N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Поступила в редакцию 14.10.2024

Received 14.10.2024

Одобрена после рецензирования 20.11.2024

Approved 20.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024